

Постановка проблемы. Постмодернистское толкование текста приводит к пониманию его как открытой системы, доступной множеству интерпретаций. В результате такого осмысления текста возрастает не столько роль источника информации, сколько ее читателя, который из потребителя превращается в производителя (смыслов) текста [1; 2]. С точки зрения социального конструктивизма, когда мир может пониматься как текст, индивидуальные субъекты на основе имеющихся у них представлений непрерывно конструируют социальную реальность [3; 4].

В информационном обществе, когда действительность опосредована языком, описывающим эту действительность, власть и влияние начинают принадлежать тем, кто способен создавать культурные коды, используемые для конструирования новой, часто виртуальной реальности [5; 6]. Все прежние формы социального контроля (экономический, политический, культурный) уступают место контролю со стороны коммуникационного кода, благодаря чему регуляция и управление общественными отношениями переходят на качественно новый уровень. Как указывается у Д. Белла, само появление термина информационное общество уже подразумевало его формирующееся устройство как «программируемого» общества [7]. Именно это положение является основополагающим для понимания возможности дестабилизации политического процесса информационными средствами, что наиболее наглядно можно наблюдать в период проведения избирательных кампаний. Как следствие, достаточно часто возникает «война» виртуальных реальностей, технологически сконструированных и транслируемых по каналам СМИ [8; 9].

Помимо технологий манипулирования информацией и способов ее донесения, информационное воздействие в постмодернистской трактовке подразумевает дополнение технологиями влияния на сознание потребителя, программированием его дискурса, вне которого невозможно постичь реальность. В рамках социогуманитарного понимания дискурс трактуется как

социально обусловленная организация системы речи, а также определённые принципы, в соответствии с которыми реальность классифицируется и представляется в те или иные периоды времени [10; 11; 12]. В связи с этим, **целью статьи** является рассмотрение средств конструирования социального дискурса, позволяющих оказывать скрытые информационные воздействия.

Исследование проблемы. Широкое толкование смысла дискурса предполагает его рассмотрение в процессе коммуникативного действия, осуществляемого в определенном временном, пространственном и прочем контексте [13]. Дискурс как сложное коммуникативное явление включает в себя текст информационного сообщения и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста [11; 14]. Будем анализировать дискурс как синергетическую структуру, чье функционирование разворачивается в трех измерениях: физическом, субъективном, социальном [15; 16]. В соответствии с таким подходом дискурс рассматривается как текст; как стилистическая специфика носителя дискурса, выражение его ментальности, которая определяет понимание (видение) мира; как процесс коммуникации, и возникающие в ходе его дискурсивные практики.

Дискурс может быть характеристикой индивидуального субъекта, группы, социума в целом, различаясь по сложности организации. Дискурс индивидуального субъекта разворачивается в зависимости от его потребностей в конкретной ситуации коммуникации. Основу такого дискурса составляют: материальный носитель (фрагмент картины мира, явленный в виде текста), субъективные способы конструирования смысла, задающие логику изложенных в тексте событий, цель ситуативной коммуникации. Дискурсивная практика разворачивается в трех измерениях – презентация своего дискурса, ситуативное взаимодействие с другими дискурсами, построение внеситуативного совместного дискурса. Последний может базироваться на принятии универсальности дискурсов одного из субъектов, на понимании дополненности дискурсов в различных ситуациях, на признании

равноправия дискурсов и целостного их включения в общий дискурс, в связи с чем индивидуальные субъекты могут выступать в качестве его соавторов.

Дискурс группового субъекта образуется в результате внутренней коммуникации группы и обусловлен контекстом ее функционирования. Согласование дискурсов индивидуальных субъектов, входящих в состав некоей группы, позволяет перейти к конструированию ее дискурса, который будет принят каждым индивидуальным субъектом группы. Его текст будет представлять собой совокупный текст участников группы. Логика его конструирования, учитывающая вклад каждого участника группы в соответствии с его социальным статусом, будет задавать целостное понимание мира, присущее всем представителям группы. Цель этой внутренней коммуникации направлена на принятие, усвоение каждым субъектом дискурса группы, ведущих к сплочению группы как единого целого.

Дискурс социума интегрирует в себя дискурсы индивидуальных субъектов и групп, составляющих общество. Сложноорганизованный социум объединяется по различным основаниям, что ведет к существованию различных структур, скрепляющих его, при этом индивидуальные субъекты могут входить в несколько непересекающихся групп. Ситуативные изменения идентичности индивидуального субъекта, когда может возрасти значимость одной из социальных групп, с которой идентифицирует себя субъект, приводят к тому, что дискурс социума находится в постоянном изменении. В рамках синергетической парадигмы слабые социальные воздействия могут привести к разрушению сложившегося динамического равновесия как результата согласования интересов различных субъектов, если появятся субъекты, недовольные существующим способом учета их интересов. В свою очередь это может привести к глобальным изменениям организации социума, вплоть до его распада. Совокупный текст социума организован по принципу «текст в тексте», когда дискурсы индивидуальных субъектов входят в социетальный дискурс как части дискурсов групп, к которым относятся эти субъекты. В связи с этим способы конструирования целостного понимания, заложенные в дискурсе

социума, будут обусловлены логикой коммуникации составляющих его групп, зависящей от организации жизнедеятельности общества. Цель коммуникации групп в рамках социетального дискурса диктуется целями, задаваемыми организацией общества, которые могут состоять в построении государства, отстаивающего интересы как одной социальной группы, так и учитывающего изменяющиеся интересы всех групповых субъектов (подразумевая их равноправие). Логика внутренней коммуникации групповых субъектов социума обусловлена изначальными планами конструирования социального порядка, то есть социетальный дискурс определяется на основе метадискурса взаимоотношений составляющих его субъектов.

В ходе социализации индивидуального субъекта происходит перманентное разворачивание сложности организации его дискурса соответственно социальному и культурному контексту [17]. Включаясь в деятельность группы, субъект соотносит себя с ее участником и усваивает групповой дискурс. В арсенале его дискурсивных практик появляются дискурсы значимых для него групп, которые он может использовать в зависимости от социального контекста ситуации. Сталкиваясь с инакомыслящими представителями других дискурсов (с которыми он себя не идентифицирует), в ходе коммуникации субъект может использовать фрагменты чужеродного дискурса для достраивания своего дискурса, организация которого становится подобной организации социетального дискурса. В результате изменяется конструктивная сложность модели мира, расширяются способы понимания (на основе логики событий в тексте, логики конструирования совокупного текста, логики коммуникации) и совершенствуются дискурсивные практики, цель которых может быть вне ситуации коммуникации, а определяться метадискурсом как внеситуативным дискурсом взаимоотношений субъектов.

Социально-конструктивистская традиция подразумевает, что дискурс структурирован в соответствии с паттернами, которые обуславливают высказывания людей в различных сферах социальной жизни, то есть дискурс

любого индивидуального субъекта социально обусловлен – инструментом, содержанием, практикой [3; 14]. Его применимость проверяется в ходе взаимодействия с миром. Исходя из того, что организация дискурса индивидуального субъекта разворачивается в трех измерениях (физическом, субъективном, социальном), рассмотрим средства его конструирования и отдельные примеры, демонстрирующие возможности его программирования.

Конструирование модели мира. Физическое измерение дискурса составляет модель мира субъекта, которая в ситуациях коммуникации проявляется через тексты. Понимание смысла текста основано на восприятии единиц смысла (составляющих тезаурус), которые приобретают значение в контексте (на основе правил организации речевой деятельности), выражая тем самым замысел автора. Под тезаурусом будем понимать множество смысловыражающих элементов (слов, словосочетаний и т.п.) некоторого языка с заданными смысловыми отношениями [18]. Через него отражается система знаний о мире, деление его на те или иные сферы, возможности понимания и коммуникации.

В зависимости от целей автора, варьируя языком описания (тезаурусом) и контекстом, им задаваемым, можно достигнуть множества интерпретаций одного факта. Способы понимания предопределены уже готовой структурой знаний, заложенной в используемом тезаурусе, то есть языковая семантика служит средством контроля над мышлением и способствует утверждению дискурса автора текста [19; 20]. С точки зрения социального конструкционизма слова, употребляемые в рамках дискурса, имеют смысл в контексте сложившихся отношений, которые они воспроизводят [4]. Субъект, идентифицирующий себя с представителем некоей организации, воссоздает в сознании модель и этой организации, и существующего социального устройства. Использование различных понятий позволяет определить позиционирование автора дискурса, поскольку выбор конкретного слова предопределяет дальнейшие действия с этим объектом. Мы «награждаем

разведчика» и «расстреливаем шпиона», мы помогаем «борцам за свободу», но воюем с «террористами» [21].

Тезаурус, с помощью которого репрезентируется реальность, может содержать способы ее конструирования и возможные способы коммуникации. В качестве примера, возьмем использование слова «народ». Сравним два высказывания: «народ вышел на улицу», «часть народа вышла на улицу». Первое из них содержит в себе синкретическую модель «народа», который составляет единое целое, и пафос этого высказывания сводится к тому, что «все прогрессивное человечество» одобряет произошедшее событие. В таком употреблении слова «народ» имплицитно заложено, что дискуссия при обсуждении данного события не предусмотрена, все должны присоединиться к завуалированной оценке. Во втором высказывании «народ» понимается как состоящий из различных групп интересов, и форма высказывания не предполагает заранее однозначность оценки. Наоборот, предусматривается толерантное отношение, поиск согласия и взаимопонимания, когда в обсуждении будут учитываться мнения разных групп интересов, а не только одной. Тем более, что в сложноорганизованном обществе каждая группа по интересам оказывается в меньшинстве по отношению к другим группам, и любое принятое решение не устраивает многих.

Использование тезауруса как инструмента построения дискурса позволяет опосредованно конституировать социальный контекст, в котором протекает коммуникация, и воссоздать социальные отношения коммуникаторов. Все существенные сдвиги общественно-политических формаций сопровождались рождением своего нового языка («новояза») – созданием неологизмов, заменой традиционных слов и понятий [22]. В ходе осмысления нового понимания совершается рефлексивная процедура смены используемого тезауруса, которая запускает механизм переформатирования используемой концептуальной модели социального устройства [23].

Сегодня формируется новый образ реальности, связанный с научно-технологическими достижениями и изменениями в культуре, который

позволяет говорить о сегодняшнем обществе как о постмодерном [24]. Основными категориями, описывающими реальность постмодерна, являются плюрализм, децентрация, фрагментарность, изменчивость, неопределённость, контекстуальность, а в основе специфического видения мира лежит парадигмальная установка на восприятие мира в качестве хаоса. Рассмотрим два понятия, используемые для обозначения природы общества постмодерна.

Первое из них – это «ризом», как метафора принципиально нелинейного типа организации целостности, ее неупорядоченного, разнонаправленного развития, оставляющего возможность для имманентной автохтонной подвижности и, соответственно, реализации ее внутреннего креативного потенциала самоконфигурирования [25]. Отсутствие структуры, случайные процессы становятся характеристикой «ризомной» организации целостности. Любая попытка сконструировать модель целостного мира, организованную по таким основаниям, когда в ходе этого процесса единая модель рассыпается на множество слабо скоординированных друг с другом фрагментов, неповторима другим субъектом. Другой метафорой нелинейного способа организации целого выступает «фрактал» как самоорганизующаяся система, обладающая свойством самоподобия, и состоящая из частей, подобных целому [26]. Организация фрактала подобна детскому калейдоскопу, когда на каждом шаге изменяется его организация по заданному алгоритму, который при взаимодействии со средой тоже может меняться, что позволяет создавать очень сложные, когерентные со средой структуры.

Обозначая организацию мира как «ризому», мы имплицитно отказываем себе в возможности понимания принципов его устройства, что можно трактовать как своеобразный вариант современного агностицизма. Это вызывает к жизни утверждения, что неясность и субъективизм дискурса постмодерна интеллектуально ослабляют движения, которые берут его на вооружение [27]. Фрактальная структура, вырванная из контекста своего исторического развития, предстает ризомой для наблюдателя, лишённого

исторической перспективы и глубины ее понимания. Если «красота – в глазах смотрящего», то «сложность мира – в уме мыслящего».

Конструирование способа мышления. Субъективное измерение дискурса, которое можно соотнести с мышлением, рассматривается как способ конструирования (и реконструкции) смыслов, содержащихся в нем. В некотором смысле мышление независимо от языка, который является способом оформления дискурса и выражения мыслей субъекта. При этом дискурс может выступать в качестве текста, текста текстов, коммуникации, то есть иметь разные способы организации смысловых структур. Мышление определяется специфическими правилами организации речевой деятельности, как самого текста, так и его элементов, конструированием контекста восприятия дискурсов, заданием логики коммуникации (которая может изменяться в процессе коммуникации).

Понимание текста обусловлено способом установления взаимосвязей между его конструктивными элементами (определение этих элементов, в каком-то плане, отдельный процесс). Структурный элемент языка – знак – приобретает смысл в контексте, когда в совокупности с другими знаками он составляет единицу смысла, носителем которого обычно рассматривается слово, а может и словосочетание, и синтагма, и целое предложение, и абзац, и весь текст [28; 29; 30]. Сложность конструкции текста и создает множество потенциальных смыслов и способов понимания, когда существуют различные прочтения текста в зависимости от членения на элементы, помещения их в различный контекст, приписывания различных значений. Тем самым создается возможность различными средствами закладывать в текст желательный способ его прочтения (и интерпретации), как отмечается в литературе, даже выбор синтаксических конструкций определяется идеологической позицией адресанта [19].

В литературе приводится множество способов конструирования смысла текстов, в которых искажается картина описываемой в них реальности, создается ее иллюзорное понимание: редукционизм, нарушение критериев

подобия, создание некогерентности, манипуляции числом и мерой и др. [9; 31; 32]. Одной из техник программирования мышления является контекстуальная корректировка, когда употребление слова в определенном контексте способствует установлению и закреплению соответствующих ассоциативных связей, то есть влияет на его значение. Например, целенаправленное использование знаковых средств, имеющих отрицательную эмоциональную окраску, позволяет отрицательное отношение с отдельной характеристики некоего объекта перенести на его целостный образ. Как указывает В. Сороченко, «демонизация сербов» в конце 90-ых годов в преддверии войны НАТО против Югославии достигалась тем, что слово «серб» непрерывно и долго помещалось в отрицательный контекст (включалось в описание страшных событий и в окружение неприятных эпитетов), вызывая у телезрителей, независимо от их позиции, устойчивую неприязнь к сербам [32]. Аналогичный пример, но уже с позитивной коннотацией, приводит В. Клемперер, когда в нацистской Германии за счет частоты употребления в благоприятном контексте слово «нация» постепенно приобретало положительную окраску [33].

Тексты можно понять в их отношении к другим текстам и в отношении к внешней реальности, относительно которой они могут проверяться. Создание совокупного текста в рамках одного дискурса, конструирование информационного пространства социума, задание социального контекста тоже относится к технологиям программирования дискурса. Как указывает Г. Г. Почепцов, в ряде случаев форма и логика подачи содержания, формат коммуникации оказываются важнее самого содержания; можно припомнить и высказывание М. Маклюэна, что средства коммуникации определяют содержание [2; 34]. Конструирование информационного пространства возможно через контроль над СМИ, достигаемый политическими средствами, и через содержание транслируемой информации, когда формируется информационная повестка дня, которая обуславливает необходимый образ социальной реальности. Контроль над информационными потоками может

ограничить возможность получения разносторонней информации потребителем, при этом на основе полученной фрагментарной информации создается версия картины происходящих событий в рамках дискурса заказчика и вносятся коррективы в дискурс получателя информации.

Контекст восприятия информации задает способы прочтения и понимания текстов, а также направляет мышление потребителя в ситуации восприятия. Создание контекстов (информационных, социальных, субъективных) обуславливает особенности дискурса восприятия. Взаимодействие субъектов в ходе коммуникации предполагает подвижность контекстов, когда от подразумеваемых контекстов своего дискурса коммуникаторы будут переходить к поиску совместных контекстов, устраивающих всех участников обсуждения.

Конструирование коммуникации. Существование социального измерения дискурса, разворачивающегося в процессе коммуникации, подразумевает, что дискурс используется не только с целью демонстрации своего или понимания дискурса другого, но и для осуществления ряда конвенциональных действий, предполагающих возможность взаимодействия субъектов с отличающимися дискурсами. Тем самым в ходе дискурсивных практик создается потенциальная возможность доопределения дискурса, его коррекции в зависимости от целей коммуникации.

Модели коммуникации предусматривают различные способы организации (форматы) коммуникации, в которых неявно присутствуют и ее цели. В стандартных, линейных моделях коммуникации, в которых закладывается главенствующая позиция автора, потребитель должен воспринять и понять его мысли, то есть предполагается доминирование дискурса автора. В социально-конструктивистских моделях коммуникации, где она рассматривается как социально обусловленный процесс с обратной связью, предполагается построение совместного ситуативного дискурса, формирование которого напрямую предопределено контекстом ситуации. Как указывает К. Дж. Джерджен, интерсубъективные отношения не поддаются локализации в

семантике языка, но проявляются в прагматике дискурсивных практик, когда социальные отношения непрерывно создаются субъектами в дискурсивном пространстве [4]. Дискурс каждого субъекта получает значение благодаря попыткам согласовать свои действия с действиями других субъектов. Функции дискурсов субъектов в совокупном дискурсе вытекают из текущих отношений между субъектами, при этом изменение отношений субъектов в новой ситуации коммуникации вызывает изменение функций их дискурсов и, соответственно, меняет их роль в совокупном дискурсе. В рамках синергетического понимания коммуникации, когда допускается множество интерпретаций социальной реальности и подразумевается их неполнота, целью коммуникации становится построение интегративного дискурса. Этот дискурс включает в себя дискурсы субъектов (можно вспомнить притчу про царя Соломона, с его известным выражением «И ты прав!») как составные элементы, локализованные во времени, пространстве и по уровню своей зрелости. Изменяющиеся субъекты в изменяющемся мире приводят к принципиальной незавершенности интегративного дискурса, который постоянно обновляется. Его ситуативная реконструкция в ходе постоянных диалогов субъектов не исключает наличия у индивидуального субъекта собственной модели интегративного дискурса, которая воспроизводится в коммуникации. Другими словами, дискурс индивидуального субъекта потенциально включает в себе интегративный дискурс, в котором содержится логика взаимоотношений субъектов.

Примером может служить использование в дискурсе понятия «титовская нация», которое служит маркером, позволяющим реконструировать заложенную в дискурсе логику взаимоотношения социальных субъектов. Употребление этого термина имплицитно подразумевает привилегированное положение одной группы, которая претендует на особый социальный статус, выражающийся в том, что люди, представляющие эту группу, будут на особом положении, нарушая тем самым принцип равноправия всех членов общества. В современном обществе ни одна социальная группа не может претендовать на статус выразителя интересов всего общества, подразумевающий претензии на

исключительность собственного дискурса, его безальтернативность. Поэтому вряд ли можно рассчитывать на всеобщую поддержку социального проекта, провозглашающего в качестве целей совместного функционирования доминирование «титупльной нации», предусматривающее неравноправные взаимоотношения субъектов.

Дискурс всегда в той или иной степени оказывается кривым зеркалом, отражающим картину мира, выражающим мнение автора и содержащим цели коммуникации, и все они в ходе коммуникации могут меняться. В процессе коммуникации дискурс подчинен целям коммуникации, создавая парадоксальную ситуацию, когда часть дискурса оказывает влияние на целостный дискурс. В таком понимании заложена модель саморазвития дискурса по принципу круговой причинности, когда заданные дискурсом нормативные взаимоотношения субъектов, которые в процессе коммуникации могут измениться, начинают оказывать влияние на дискурс, предусматривая учет произошедших преобразований. Возникает ситуация постоянного обновления дискурса, в котором учитываются происходящие с субъектом изменения. Построение совместного дискурса в рамках коммуникации может проводиться на различных основаниях, но убежденность индивидуальных субъектов в «точности» и эффективности использования дискурса будет определять его (дополняющую или системообразующую) роль в организации общего дискурса.

Выводы. Как указывается в научной литературе, одними из условий успешного перепрограммирования убеждений являются акцентирование на мрачных страницах прошлого, зарождение чувства вины, создание негативного образа своей жизни [35]. Как следствие, создается повышенная восприимчивость к внешним воздействиям, к принятию чужеродного дискурса.

Через призму дискурса мы видим мир, искаженный нашим пониманием. Различное понимание мира ведет к разным формам и стратегиям социального поведения, меняющим общество в соответствии с дискурсом, изменения которого проявляются и в виде социальных последствий. Борьба за умы в

условиях информационного общества сводится к попыткам поменять имеющееся видение мира, предложив свои понятия и образы, свою точку зрения, свой стиль мышления и формат коммуникации.

Дискурс рассматривается как понимание мира субъектом, основанное на существующей у него модели мира, и разворачивающееся в рамках социальных коммуникаций. В соответствии с таким пониманием программирование дискурса может происходить на всех пластах его организации: конструированием модели мира, фрагмент которой предстает в виде текста, конструированием мышления, путем создания контекстов (информационных, социальных, культурных) восприятия информации, конструированием коммуникации, включая ее цели, которые могут меняться в ходе дискурсивных практик. При этом дискурс выступает в качестве инструмента, способа и цели программирования.

Литература

1. Барт Р. S / Z. Бальзаковский текст (опыт прочтения) / Р. Барт; пер. Г. К. Косикова и В. П. Мурат – М. : Академический проект, 2009. – 373 с.
2. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М. : "Рефл-бук", К. : "Ваклер" – 2001. – 656 с.
3. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; пер. с англ. Е. Руткевич. – М. : "Медиум", 1995. – 323 с.
4. Джерджен К. Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика. Сб. статей / К. Дж. Джерджен; пер с англ. А.М. Корбута; под общ. ред. А.А. Полонникова. – Мн. : БГУ, 2003. – 232 с.
5. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. С. Н. Зенкина – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.
6. Ковалев Г.С. Медиакратия в современном политическом процессе / Г.С. Ковалев // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Политология. – 2007. – № 4. – С. 66–75.
7. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; пер. с англ. Изд. 2-ое, испр. и доп. – М. : Academia, 2004. – 788 стр.
8. Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития: Монография. / М.Н. Грачев. – М. : Прометей, 2004. – 328 с.
9. Почепцов Г. Г. Как "переключают" народы. Психологические/информационные операции как технологии воздействия на массовое сознание в XX веке / Г. Г. Почепцов. – К. : Из-во "Ваклер", 2001.
10. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагматический и когнитивный аспекты : монография / В.С. Григорьева. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 288 с.
11. Дейк Т. А. ван Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк; пер. с англ./ Сост. В. В. Петрова; Под ред. В. И. Герасимова; Вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. – М. :

Прогресс, 1989. – 312 с.

12. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

13. Teun van Dijk. Ideology: A Multidisciplinary Approach / Dijk van Teun. – London: Sage, 1998.

14. Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Л. Дж. Филлипс, М. В. Йоргенсен; пер. с англ. – Х. : Изд-во «Гуманитарный центр», 2004. – 336 с.

15. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас; пер. с нем. М. М. Беляева и др. – М. : Издательство «Весь Мир», 2003. – 416 с.

16. Фуко М. Дискурс и истина / М. Фуко; пер. с англ. А.М. Корбута. – Минск: Пропилеи, 2006. – 152 с.

17. Кожемякин Е. А. Реконструкция субъекта в образовательном дискурсе / Е. А. Кожемякин // Университет в перспективе развития: Альманах Центра проблем развития образования БГУ, № 5. – Мн. : Пропилеи, 2007. – с. 39-53.

18. Шрейдер Ю.А. Информация в структурах с отношениями / Ю.А. Шрейдер // Исследования по математической лингвистике, математической логике и информационным языкам. – М. : Наука, 1972.

19. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 574 с.

20. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т. В. Цивьян. – [3-е изд., испр.] – М. : КомКнига, 2006. – 280 с.

21. Почепцов Г. Г. Процессы управления манипулятивным сознанием [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://politik.org.ua/vid/publcontent.php3?y=4&p=55&setcss=1&ncss=small>

22. Оруэлл Дж. 1984 / Дж. Оруэлл; пер. с англ. В. Голышева, Л. Беспаловой. – М. : АСТ, АСТ Москва, Харвест, 2009. – 368 с.

23. Никитин В.А. Исследовательская политика [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.shkp.ru/lib/archive/second/investigations/6>

24. Емелин В. Постиндустриальное общество и культура постмодерна / В. Емелин // Философские науки. – 1998. – № 1. – С.3-17.

25. Делёз Ж. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирского, науч. ред. В. Ю. Кузнецов – Екатеринбург: У-Фактория; М. : Астрель, 2010. – 895 с.

26. Тарасенко В.В. Метафизика фрактала [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://anarchy1.narod.ru/1/fractal.htm>

27. Сокал А. Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна / А. Сокал, Ж. Брикмон; пер. с англ. А. Костиковой и Д. Кралечкина. Предисловие С.П. Капицы – М. : «Дом интеллектуальной книги», 2002. – 248 с.

28. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1979. – 424 с.

29. Лотман Ю. М. Семиосфера. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. – С.-Пб. : "Искусство-СПБ", 2000. – 704 с.

30. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М. : «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.

31. Кара-Мурза С.Г. Идеология и мать ее наука / С.Г. Кара-Мурза – М. : Алгоритм, 2002. – 138 с.

32. Сороченко В. Энциклопедия методов пропаганды. Как нас обрабатывают СМИ, политики и реклама [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.psyfactor.org/propaganda.htm>

33. Клемперер В. ЛТІ. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога / В. Клемперер; пер. с нем. А.Б. Григорьева. – М. : Прогресс-Традиция, 1998. – 384 с.

34. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн;

- пер. с англ. В. Г. Николаева. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
35. Лифтон Р. Д. Технология «промывки мозгов» / Р. Д. Лифтон – СПб. : «прайм-ЕВРОЗНАК», 2005. – 576 с.

Программирование социального дискурса
Програмування соціального дискурсу
Programming of Social Discourse

Plyushch A.N.

Предложена тринитарная трактовка дискурса субъекта, который реализуется через материальный носитель (текст), выражает субъективное понимание мира и содержит социальный метадискурс взаимоотношений. В таком понимании заложена возможность доопределения дискурса в ходе коммуникации, что допускает потенциальную вероятность его переформатирования. Приведены примеры, иллюстрирующие, как отдельные элементы тезауруса могут выражать цели коммуникации и задавать логику дискурсивных практик.

Ключевые слова: текст, тезаурус, понимание, смысл, коммуникация, цель, дискурс, метадискурс.

Запропоновано тринітарне трактування дискурсу суб'єкта, який реалізується через матеріальний носій (текст), виражає суб'єктивне розуміння світу і містить соціальний метадискурс відносин. У такому розумінні закладена можливість довизначення дискурсу в ході комунікації, що допускає потенційну ймовірність його переформатування. Наведено приклади, котрі ілюструють, як окремі елементи тезауруса можуть виражати цілі комунікації і задавати логіку дискурсивних практик.

Ключові слова: текст, тезаурус, розуміння, сенс, комунікація, мета, дискурс, метадискурс.

Trinitarian interpretation of social discourse of the subject is proposed, which is realized through material carrier (text), expresses subjective understanding of the world and contains social metadiscourse of relations. In this concept probability of completion of definition of discourse during the communication is established, that supposes potential possibility of its reformatting. Examples, which shown, how separate elements of thesaurus can express the purposes of communication and set the logic of discourse practices, are provided.

Key words: Text, Thesaurus, Understanding, Sense, Communication, Purpose, Discourse, Metadiscourse.